

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

ЗАКОВАЛИ

СЕРДЦЕ В ЛЕД

Воровская любовь

Кирилл Казанцев

Заковали сердце в лед

«ЭКСМО»

2012

Казанцев К.

Заковали сердце в лед / К. Казанцев — «Эксмо»,
2012 — (Воровская любовь)

Беда не приходит одна. Отсидев три года на зоне, Андрей Порубов возвращается в родной городок. Там его ждет печальное известие – его мать, единственный близкий и дорогой человек, тяжело больна. Ей требуется дорогостоящая операция на сердце. Где взять такие огромные деньги? На помощь Андрею спешат друзья-однокашники. Втроем они проворачивают сложную авантюру и в итоге добывают нужную сумму. А попутно они наказывают опасных преступников и еще раз проверяют на прочность свою дружбу, скрепленную смелостью, благородством и бескорыстием...

© Казанцев К., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кирилл Казанцев

Заковали сердце в лед

Глава 1

Андрея Порубова освободили майским утром, в половине девятого.

– До скорой встречи, – напутствовал его офицер, выдавая справку об освобождении.

– Не дождетесь, гражданин начальник, – недобро зыркнул Андрей.

За вахтой ИТУ его никто не ждал. Впрочем, Порубов и сам знал, что встречающих не будет.

Солнце светило по-праздничному. Свежая весенняя зелень ласкала глаз, в блестящих лужах отражалось бездонное голубое небо, однако возвращаться в мир, с которым Андрей расстался на целых три года, было не так-то просто. Недавний зэк вступал в него с явной опаской. Отошел на несколько метров от вахты, вдохнул полной грудью свежий воздух и несколько минут постоял, чтобы хоть немного свыкнуться со свободой.

Сидящие в луже голуби поднялись от наехавшего грузовика, шумно пролетели над самой головой. Андрей проводил их долгим прищуренным взглядом, пересчитал мелочь и двинулся к автобусной остановке.

Спустя полтора часа он уже выходил из здания вокзала с билетом в руках. Наткнулся глазами на уличный таксофон, нащупал в кармане телефонную карточку и задумался: звонить матери или нет? С одной стороны, хотелось ее обрадовать – мол, сынок уже «на свободе с чистой совестью», но с другой – совершенно не хотелось напрягать: ведь мать наверняка бросит все дела и встанет у плиты, чтобы накрыть на стол. Неизвестно, есть ли у нее теперь деньги, да и со здоровьем у мамы последнее время неважно...

Андрей уселся на лавку рядом с зеркальной витриной и взглянул на свое отражение. По-арестантски стриженные волосы, напряженный взгляд, тонкая сеть морщинок вокруг глаз. Он выглядел куда старше своих двадцати пяти. Оно и неудивительно: строгий режим еще никому не прибавил здоровья.

– На моря бы какие съездить, – пробормотал Порубов, – отдохнуть, позагорать, с девчонками побарахтаться...

Через два часа пассажирский поезд, извиваясь на путях темно-зеленой гусеницей, медленно отчалил от платформы. За нематыми окнами проплыло обшарпанное здание вокзала, кирпичные пакгаузы, унылые бетонные заборы, обрисованные фаллической графикой и нецензурными комментариями.

Андрей растянулся на нижней полке и тут же поймал себя на мысли, что полка эта куда комфортнее зоновского шконаря. Смежил веки и сам не заметил, как заснул...

На зону Андрей как раз и пошел потому, что заступился за маму. Дело было таким же погожим майским днем, как и теперь. Они возвращались из поликлиники – мать чувствовала себя неважно, просила проводить. У ресторана «Золотой петушок» к ним подошли двое нетрезвых ментов из ППС: старлей и прапорщик. Старлей потребовал документы, а прапорщик – вывернуть карманы. Правоохранители явно искали бабла для продолжения банкета и потому цеплялись к вечерним прохожим.

Документы оказались только у Галины Федоровны Порубовой, вряд ли кто догадается взять с собой паспорт, провожая мать в поликлинику, о чем Андрей и заявил ментам. Прапорщик тут же обозвал Порубова козлом, а маму – старой сукой. Старлей выхватил мамину сумку, вжикнул замком-«молнией» и вывернул содержимое на асфальт.

Жизнь давно приучила Андрея не дожидаться милостей от природы, а действовать по ситуации. Ситуация же явно развивалась по нарастающей, тем более что старлей, заметив выпавший из маминой сумки кошелек, тут же наступил на него рифленой подошвой.

В свое время Порубов занимался боксом и даже стал кандидатом в мастера спорта... Резаный хук слева тут же свалил старлея на асфальт. Прапорщик потянулся было к кобуре, но достать пистолет не успел, потому что удар в челюсть отбросил его к стене и мгновенно вырубил. К счастью, в это время по улице проезжал на своем микроавтобусе дворовый приятель Толян Плещеев по кличке Клещ. Он грамотно оценил ситуацию, тут же остановился и, погрузив Андрея и Галину Федоровну в салон, отвез их домой.

А назавтра в их скромную квартиру завалилась опергруппа, усиленная несколькими омоновцами. Порубова немного помесили кулаками, «при оказании сопротивления», и вместе с мамой повезли в райотдел. Матери с сыном «шили», ни много ни мало, 317 статью Уголовного кодекса: «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка». Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы кореша Порубова не скинулись на хорошего адвоката. Тот не только установил, что менты были выпившими, но и раскопал запись уличной видеокамеры, из которой явствовало, что Галина Федоровна вообще никакого участия в драке не принимала.

На суде мать оправдали вчистую, а Андрей получил всего лишь три года – с учетом того, что прокурор требовал пять с половиной. К тому же у Порубова давно уже были проблемы с законом...

И в следственном изоляторе, и на зоне Андрей вел себя вполне достойно. Пальцы на блатной манер не крючил, но ни в «мужики», ни тем более в «актив» не записывался и в обиду себя не давал – ни ментам, ни местным беспределыщикам. Несколько раз приходилось кулаками отстаивать свое достоинство, трижды попадал в штрафной изолятор, однако пощады не просил и на ментовские обещания «скостить срок по УДО, если будешь нам помогать» не покупался.

Вскоре его зауважали авторитетные люди из братвы. Мол, хороший ты пацан, хотя и молодой, но «со стержнем». Но примкнуть к блатным Порубов отказался – мол, у вас своя жизнь и я ее уважаю, а у меня – своя...

Каждому освободившемуся из ИТУ всегда свойственно задумываться о перспективах: куда податься, чем заниматься, как дальше строить свою жизнь? У Андрея они выглядели очень туманными. Подмосковный городок, где жил молодой человек, ничего путного предложить не мог. Тут среди бела дня люди падали на улицах от перепоя, тут убивали из-за дешевых мобильных, а молодежь в подворотнях втыкала в прозрачные вены шприцы с самопальной «ширккой». Уезжать в Москву на заработки не хотелось: это означало бы бросить мать. А ведь она беспокоила больше всего: у нее были проблемы с сердцем, и опереться по жизни Галина Федоровна могла только на единственного сына Андрюшу...

– Да, мама, не все на зоне так страшно. – Андрей налил себе полную рюмку водки. – Твое здоровье...

С праздничным обедом мама, как говорится, «разбилась в лепешку». Красный борщ продирает перцем и чесноком. Барская роскошь отбивных золотилась луковой стружкой. Серебрилась в салатных листьях каспийская сельдь. Обжаренная на огромном противне картошка хрустела корочкой и сочилась жиром. Ледяной компот щекотал обоняние фруктовым ароматом.

Мать – уже заметно поседевшая, усталая – то и дело вытирала о фартук натруженные руки и, не мигая, смотрела на сына.

– Что же ты там делаешь?

– Что скажут. Наш отряд, например, строительные рукавицы шил. – Порубов выпил, поддел вилкой маринованный гриб, закусил. – Шесть дней работаешь, седьмой – выходной. Короче, типа молодежного лагеря, только с трудовым уклоном и выход за территорию запрещен. Ладно, что мы все обо мне да обо мне! Расскажи, как ты... Какие у нас тут новости?

– Ну, новостей за три года много, я тебе писала уже, – вздохнула мама. – Сосед наш, Леша Порошин, богу душу отдал. В феврале еще. Напился как свинья, до дому не дошел, так и замерз в сугробе. Катя Сурикова, в соседнем подъезде жила, два месяца назад померла – наркоманка была со стажем. Ярыгины, что над нами живут, поддельной водкой отравились, всей семьей, насмерть. Друга твоего школьного, Никиту Чурикова, менты недавно убили.

От неожиданности Порубов аж выпустил вилку из пальцев:

– Как это убили? Он же мне всего месяц назад письмо прислал!

– Да так и убили. Тут у какого-то крутого машину украл дорогую, а у Никиты уже условный срок был за угон, год назад. Ну, его в отделение – и бить: мол, признавайся, твоих рук дело! Тот ни в какую – мол, я весь вечер в гараже был, это полдома подтвердить могут. Били его страшно, наутро помер. В протоколе написали – неожиданно потерял сознание, упал с высоты собственного роста, случайно ударился головой об угол стола... В закрытом гробу хоронили. Неделию назад всего...

Андрей растерянно катал по скатерти хлебный мякиш. Никита был его другом детства, еще с ясельной группы детсадика. Связывало их очень и очень многое.

– За помин его души. – Налив водки, Порубов выпил и замолчал.

– Никиту уже не вернешь, – осторожно тронула его за плечо мать. – Тем более что в жизни не только смерти бывают, но и хорошее.

– А что хорошее?

– Ты наконец вернулся, сынок! А я уже думала, что и не дождусь тебя.

– Ладно, мама. О себе теперь расскажи, – прервал ее Андрей, наливая себе еще водки.

– Живу вот помаленьку. Друзья твои немного деньгами помогали – тот же Толик Плещеев, спасибо ему огромное. Сердце, правда, часто побаливает. Месяц назад на обследовании была – доктора говорят, операцию надо делать, клапан какой-то вшивать. Операцию такую у нас не делают, только за границей. И больших денег она там стоит.

– Сколько? – прищурился сын.

– Сорок тысяч евро. А откуда они у меня, у пенсионерки?

Звонок в дверь прозвучал звонко и празднично – так могут звонить лишь друзья. Мама поднялась, прошла в прихожую и вскоре вернулась вместе с высоким белобрысым блондином, державшим огромный пакет в мосластых руках.

Это был Толик Плещеев, по кличке Клещ, – тот самый, который три года назад и помог Порубовым уйти от ментов.

– Ну, здорово, – поставив сумку на табурет, Толян по-дружески раскрыл объятия. – Мне мужики-доминошники из беседки кричат, что ты, мол, вернулся, а я и не въехал сразу. Ты же только послезавтра должен был приехать! Я бы тебя на вокзале встретил, как положено.

– Привет, Толик! Ну, извини уж, так получилось, что сегодня. А то могу обратно на зону попроситься, чтобы еще сутки переждать.

– Это дело надо отметить. – Клещ поочередно извлек из пакета несколько бутылок коньяка, палку сухой колбасы и жестяную банку с консервированной ветчиной. – Так приглашаешь или как? Тетя Галя, ничего, если я к вам присоединюсь, посижу немного? Андрюху сто лет не видел! За жизнь надо поговорить, и вообще...

– Сидите, детки, только закусывать не забывайте, – застенчиво улыбнулась мать. – А я тогда отдохну немного, а то целый день у плиты...

Андрей и Толик просидели за столом всю ночь. К утру сигаретный дым висел на кухне слоистыми серыми пластами. Незаметно в доме напротив начали зажигаться окна – горожане поднимались, чтобы успеть на работу. Толик, то и дело разливая по рюмкам спиртное, в основном слушал друга, лишь изредка отпуская реплики.

А рассказать недавнему арестанту было о чем.

– Ну, вот скажи мне, Толян, – энергично жестикулировал вилкой Порубов. – Мы ведь вроде нормальные пацаны. Не дебилы какие-то, не лохи конченные, и здоровье есть, и жизнь понимаем, и всем остальным не обижены. А что мы в нашем городишке-то можем? На завод идти, гайки точить? В охрану какого-нибудь рынка? Бомбиллой в Москве?

– А смысл? – хмыкнул Плещеев. – Ну, пусть двадцать тыщ в месяц, пусть даже двадцать пять. Да разве сегодня это деньги?

– Вот и я о том же. А теперь посмотри, сколько вокруг уродов, которые ни хрена делать не умеют, даже думать не умеют, и при этом у них все есть.

– Менты, что ли? Им, кстати, зарплаты недавно круто подняли!

– Могли и не поднимать, и так половину нашего города крышуют. – Андрей взял наполненную до краев рюмку, приподнял. – Твое здоровье... Я о другом. Сынки разные, которые на папиных лимузинах рассекают. Бизнесюги, которые к начальству близки: оформил на себя такой олень фирму по ремонту водопроводов, якобы ЖКХ не может справиться, а сам с нас три шкуры дерет и начальству бабло перечисляет.

– Мир устроен несправедливо, – подтвердил Клещ общеизвестную истину. – А ты что, можешь что-нибудь предложить? Или у тебя есть конкретный план, как нам круто подняться?

Порубов подошел к окну, с треском распахнул раму. Малиновая планка рассвета застенчиво розовела над темными крышами. Теплый майский ветер нес в окно тонкую горечь ночных цветов.

– Могу, – прищурился он. – Дело в том, что...

Андрей был немногословен. Если одним все, а другим ничего, это можно исправить. И тут не только в несправедливости дело: ему, Порубову, нужно бабло на срочную операцию для мамы, а если бабло нужно, он его достанет хоть из-под земли. Тем более что необходимую сумму можно получить за какие-то полтора часа, он еще на зоне все хорошенько обдумал, если подойти к вопросу с умом и осторожностью, риска почти никакого.

– Там один пацан со мной из Соликамска сидел за похожее. Сколько его потом менты ни искали, так и не нашли, шифровался грамотно. Да и сами мусора не знали, кого именно надо искать и по каким приметам. А запалился тот пацан чисто по дурасти – из-за бабы, – закончил повествование Порубов. – Ну, что скажешь?

– То, что ты предложил, нам вдвоем не осилить, – поразмыслив, прикинул Толян.

– Тоже об этом думал, – согласился Андрей. – Тут, ко всему прочему, нужен хороший головастый пацан, который бы и в компьютерах волок, и во всех этих видеосистемах. Типа нашего Ботана. Кстати, а где он теперь, не знаешь?

Юра Покровский, по кличке Ботаник, или Ботан, как его чаще называли, был одноклассником Андрея и Толика. Единственной страстью и смыслом жизни Ботана были компьютеры и все, с ними связанное, уже в восьмом классе он щелкал самые навороченные программы как семечки, а после школы вне конкурса поступил в Бауманский. Тихого, застенчивого, интеллигентного Ботана неоднократно били местные гопники, пока Порубов не взял его под свою опеку. На Покровского можно положиться на все сто процентов – Юра был человеком проверенным...

– Ботаник наш в одной фирме работает, типа системным админом, – припомнил Плещеев. – Даже знаю, в какой. Хочешь, завтра к нему подвалим?

– Хочу. Ну, что, – прищурился на бутылку с остатками коньяка Порубов, – еще по одной?

– Давай... Да, Андрюха, весь вечер думал, сказать тебе или нет. – Толик выглядел немного виноватым. – Решил, что лучше ты от меня услышишь, чем от кого другого. Катька-то твоя замуж вышла полгода назад.

Катя Пряник, длинноногая и рыжеволосая красавица, была девушкой Порубова до его ареста. Когда Андрея загребли в СИЗО, она некоторое время писала ему, дважды даже привозила «дачки». Однако потом письма стали приходить все реже и реже, и за последний год написала лишь однажды и очень коротко – мол, уезжаю учиться в Москву, вернешься – как-нибудь свидимся.

В принципе Андрей был внутренне готов к такому повороту событий – редкая девушка дожидается своего парня из-за «колючки». Он уже почти поставил на Кате крест, хотя в душе и рассчитывал как-нибудь возобновить отношения, ведь в прошлой, дотюремной, жизни он действительно ее любил.

– А знаешь, за кого? За Мишку Зиганшина. Ну, сына городского прокурора, который тебя посадил, – выдохнул Клещ. – Юрфак закончил, сейчас в Центральном райотделе работает опером, карьеру делает, подметки на ходу режет. – Толик сделал многозначительную паузу: – Во, сука, эта Катька!

Порубов несколько минут молчал, потом закурил сигарету, подошел к окну и долго всматривался в малиновый шар солнца, медленно поднимающегося над крышами пятиэтажек. Потянулся до суставного хруста, вздохнул, поморщился, словно укус проглотил, и произнес:

– Ну и хрен с ней, что ни делается – все к лучшему. У нас там еще выпить есть? Тогда наливай!

Утро в Центральном райотделе начиналось как обычно. Свежий офицер сменил в застекленной кабинке уставшего сменщика, закончившего суточное дежурство. В небольшом холле, ощутимо пахнувшем туалетом и хлоркой, постепенно собирался народ: пожилая женщина со свежим кровоподтеком, несколько наркоманского вида подростков, серый мужичок с явным абстинентным синдромом. За прутьями «обезьянника» вяло заматерились проснувшиеся бомжи.

Молодой чернявый мужчина, с щегольским зализанным пробором и кожаной папочкой в руках, кивнул на входе дежурному и легко вбежал на второй этаж. Достав из кармана связку ключей, открыл кабинет с табличкой «Оперуполномоченные УР», прошел в свою комнатку.

В небольшом обшарпанном помещении стоял стол с допотопным телефоном и стареньким компьютером, стандартный сейф и стул. Еще один стул посередине кабинета предназначался для посетителей.

Чернявый уселся за стол у окна, и на столе тут же зазвонил телефон.

– Старший лейтенант Зиганшин слушает, – поднял он трубку. – Конечно, на месте, раз ты на служебный звонишь. Сколько тебе повторял: если сам понимаешь, что не сумеешь раскрыть преступление, не принимай заявку, а то процент раскрываемости по райотделу снизится. Да, да, отказуху пиши, ссылайся на кодекс, на что угодно... Только грамотно, не зарывайся.

Утро старшего лейтенанта прошло в телефонных звонках. Зиганшин наставлял, увещевал, запугивал, юлил, льстил и хамил – в зависимости от того, с кем разговаривал. Вскоре появились первые посетители: угрюмая баба с заявлением на мужа-алкоголика, избитый подросток с жалобой на отца, гордый патрульный сержант с пойманной им рыночной воровкой...

Правоохранитель, натянув на лицо маску казенного отчуждения, слушал, задавал вопросы, писал протоколы... Все это было скучно, рутинно, а главное, не приносило никакой личной выгоды.

Конечно, Миша Зиганшин никогда бы не пошел работать в райотдел – после юрфака он хотел устроиться в суд, на службе в горотделе настоял папа, городской прокурор. Мол, низовой оперативный уровень – лучшее место для начала карьеры в МВД, прослужив там лет пять

без «залетов» и имея «волосатую руку», вполне можно выйти на другой уровень – например, попасть в главк. А ведь только в главках можно отстроить большую карьеру и нахватать звезд на погоны.

Проработав в Центральном райотделе чуть более трех лет, Миша прекрасно понял главный принцип полицейской службы: беспрекословно исполнять все веления начальства, с ненужными инициативами не лезть, а главное – содержать в идеальном порядке всю документацию и иметь хороший процент раскрываемости. Все это не только способствовало карьерному росту, но и давало возможность подхалтурить на службе, ведь образцово-показательного опера трудно заподозрить в нарушении закона!

После обеда мобильник в кожаной папке закурлыкал. Зуммер вызванивал «Лезгинку», и Зиганшин внутренне напрягся.

– Да, я... – бросил он. – Как и договаривались, уважаемый Гасан, только не наглеть. И смотри, чтобы точила была не слишком козырной, а то и нарваться можно, даже я не спасу. Да, заяву, конечно же, приму, как и договаривались. Не забывай, что изнасилование относится к так называемым делам частного обвинения и не может быть возбуждено без заявления потерпевшей, то есть тут всегда можно переиграть. Все, до связи...

Остаток дня прошел обыденно: вызов к начальству с отчетом о проделанной работе, оформление бумаг, дружеский треп с вернувшимися с задания коллегами.

Мобильник Зиганшина звонил еще дважды. Первый раз он зазуммерил песенкой «Мусипуси», и оперативник, расплывшись в улыбке, несколько минут слушал не перебивая.

– Буду как обычно, – только и произнес он и нажал на отбой.

Второй раз сотовый заорал на весь райотдел «Владимирским централом». Звонил сексот – завербованный Зиганшиным мелкий уголовник.

– Да сколько раз тебе говорить, не звони мне на эту мобилу! – бросил Зиганшин вместо приветствия. – Что у тебя неотложное? Что-о-о?! Порубов, говоришь, с зоны откинулся? Что-то рано. Три года всего ему дали? Во-от оно что... А я-то думал, что за нападение на сотрудников больше дают.

Солнце за зарешеченным окном, перевалив через хребты крыш, клонилось к закату. Рабочий день незаметно приближался к концу. Вежливо попрощавшись с сослуживцами, Миша поспешил на выход. Уже выходя из здания райотдела, он набрал номер жены:

– Катюша, привет! Извини, но сегодня меня на службе задерживают, начальство из Москвы прикатило с проверкой. Боюсь, надолго. Да ты не переживай, я пообедал. Понимаю, что сгораю на работе. Как говорится – «светя другим, сгораю сам». Жди дома, как только, так сразу, звук в мобиле я отключу, сама понимаешь.

Несколько минут оперативник простоял на крыльце райотдела, размышляя: правильно ли он сделал, не сказав жене Кате о возвращении Порубова, с которым она встречалась до замужества. «Правильно!» – похвалил он самого себя, лучше сделать вид, что он ни о чем не знает, и проследить Катину реакцию.

Подойдя к патрульному «уазику», Зиганшин поинтересовался у сержанта-водителя:

– Вы, кажется, на Ремзавод едете патрульных наших менять? Подкиньте и меня заодно, мне по делу.

В дальнем районе под названием Ремзавод жила Люся, любовница Зиганшина, с которой он встречался уже четвертый месяц...

Глава 2

Во времена легендарные Юра Покровский наверняка стал бы знаменитым алхимиком. Невысокий сутулый очкарик, с растрепанной копной волос, он очень органично вписался бы в интерьеры средневековой лаборатории, с закопченными колбами, реостатами и сушеным крокодилом, подвешенным над кузнечным горном.

Однако новые времена скорректировали Юрины интересы: он стал компьютерным взломщиком, или, как называли его многие несведущие люди, – хакером. Сфера его интересов наверняка бы довела до истерики Лабораторию Касперского: взломы любых патентованных программ, написание неопределяемых вирусов, блокирование локальных сетей, атаки на серверы...

Как и большинство людей его психосклада, Покровский не слишком-то глубоко разбирался в реальной жизни, и потому многие окружающие считали Юру законченным лохом. Однако люди, хорошо знавшие его, всегда отмечали Юрину честность, порядочность и замечательное чувство товарищества. Ведь именно он занялся поисками хорошего адвоката, когда Порубову с матерью «шили» статью...

...Отъехав на своей раздолбанной «Тойоте» от офиса, Покровский включил ближний свет. Темнело, да и заморосивший дождь мешал следить за дорогой. До дома было всего ничего – километра четыре, и Юра решил возвращаться не объездной дорогой, а ехать через центр.

Дождь заштриховывал городской пейзаж, словно линованные полоски тетрадку первоклассника. «Дворники» монотонно размазывали капли по стеклу. Индикатор видеорегистратора над обзорным зеркальцем светился по-домашнему. Под фарами стелился мокрый асфальт. Мелькавшие справа кусты вскоре закончились, и из полутьмы выплыл силуэт девушки в полупрозрачном платье и легкой блузке. Стоя на остановке, она призывно поднимала руку.

Юра притормозил – все-таки оставлять барышню мокнуть под холодным дождем было не в его правилах, перегнулся через сиденье, опустил стекло передней пассажирской дверки:

– Вам куда?

– До центра, пожалуйста, – нервно поправила мокрую прядь девушка и просительно взглянула на водителя. – Я заплачу, сколько скажете. Полчаса тут мокну, а маршрутки все нет и нет!

– Давайте...

Барышня была молодой, довольно приятной внешности. Она мелко дрожала, и Юра включил отопление, направил поток горячего воздуха ей на ноги.

– Вам куда в центре? – поинтересовался он.

– У рынка сможете остановить?

– Как раз в тот район еду.

Минут через десять Покровский свернул на оживленный проспект. Дождь измельчал и превратился в ровную водяную взвесь, заполнившую вечернее пространство над дорогой. Фонари на обочине напоминали мутные желтые свечки с белесым искрением в сердцевине.

– Если можно, после перекрестка чуть ближе к обочине, мне скоро выходить, – попросила попутчица и как-то напряженно взглянула на водителя.

Юра крутанул руль чуть вправо, притормаживая...

И тут случилось нечто невероятное. Вдруг девушка резким движением руки рванула свою блузку – отлетевшая пуговица шелкнула по приборной панели, – после чего изо всей силы вцепилась наманикюренными ногтями в лицо водителя.

– Помогите, насилуют! – Рванув дверку, она с визгом вылетела из машины.

От неожиданности Покровский едва не выпустил руль, но успел-таки нажать на тормоз. Выйдя из машины, он уставился на недавнюю пассажирку удивленными глазами.

– Что? Кого насилуют? – Юра механически провел ладонью по исцарапанной щеке – на руке осталась кровь. – Да вы в своем уме?!

А девушка, стоя на тротуаре, буквально билась в истерике.

– Вот этот меня только что изнасиловать хотел, еле отбилась, что же это такое происходит, он, наверное, сексуальный маньяк... – тоненько всхлипывала она. – Да помогите мне кто-нибудь!

И тут из тени вышли двое мужчин, явно кавказского происхождения. Один – худой, с мрачным угреватым лицом – грамотно зашел за спину Покровского. Другой – небритый верзила, с рано налившимся восточным жирком животом, встал перед ним в позе футболиста перед пробитием пенальти.

– Ты нашу сэстронку ызнасиловат хотел, да? – недобро процедил он.

– Да вы что, охренели? – возмутился Юра.

– Хлебало заткны, да? – прищурился верзила. – А то сейчас совсем плохо будет. Сэстра, он что с тобой дэла? Говоры, нэ бойся, мы в обыда нэ даем!

Девушка, истерически подывая, прижимала ладонь к порванной блузке.

– Мы с ним познакомились, он усадил в машину, сказал, что в кафе повезет, а я, дурочка, поверила. По дороге приставать начал – мол, давай в темное место отъедем и ты мне на заднем сиденье дашь, я ему отказала, так он прямо в машине ко мне полез, начал одежду срывать... Вон, всю блузку мне порвал!

Недавняя пассажирка врала очень убедительно, не иначе как в свое время училась в театральной школе. Даже слезы и те сверкали на ее глазах совершенно естественно. Вокруг «Тойоты» Покровского начала собираться небольшая толпа, и барышня, продолжая всхлипывать, все тыкала пальцем в водителя:

– Сволочь такая! Отброс! Мразь конченная! Едва отбилась!

Страдания несостоявшейся жертвы встретили явное сочувствие у собравшихся. Сердобольная бабка с хозяйственной сумкой приязненно улыбнулась барышне:

– Да не переживайте вы так! Все же обошлось!

– В полицию заявить надо! – заявил пожилой работяга в ватнике. – Я бы всех этих насильников собственными руками кастрировал!

– А мы сэчас имэнно так и сдэлаем, – недобро проговорил небритый верзила.

Худощавый кавказец, стоявший позади Покровского, деревянной хваткой сдавил его под локти и отвел чуть подальше.

– Ты знаэш, что с такымы, как ты, на зонэ дэлают, да? – зловеще поинтересовался он. – Тожэ насылуют. Пэтухом станэш, ламбада будэш по утрам танцават, дырявый ложка баланду кушат. Совсэм плохо тэбэ будэт!

– Да я пальцем к ней не прикоснулся! – попытался взять себя в руки Покровский.

– Нэ прэкоснулся, говорыш? – процедил верзила, заглядывая в салон Юриной «Тойоты». – А кто дэвушка блузку порвал? А почэму у тэба лыцо такое расцарапанный? Ва! И пуговыцца лежит, как раз от той блузки та дэвушки.

– Да и мы всо выдэлы, – подытожил худощавый. – Еслы что, всегда подтвэрдэты можем.

В руках небритого появился мобильник, и волосатые пальцы кавказца принялись демонстративно тыкать по клавиатуре.

– Всо, в Цэнтральны райотдэл звоню.

Тем временем худощавый немного расслабил хватку, и Юра, поведя локтями, отошел к верзиле.

– Слушай, Гасан, я тут подумал, что нэ надо портыт чэловэку биографий и ломат судьба, – неожиданно произнес худощавый. – Ну, с кэм нэ бывает? Я тоже, когда красывый девушка выжу на улыща, потом, понымаеш, совсем спат нэ могу, всю ноч snyтcя!

– А што, такой прэступлэный просто так оставлять, да? – недобро прищурился небритый Гасан.

– Ну, еслы он осознал, еслы хочэт встат на путь исправлэный, то можем пойты навстрэчу, правда?

Гасан на минутку задумался, явно демонстрируя борьбу между долгом и сочувствием к водителю «Тойоты».

– Слушай, бабло у тэба с собой сколько? А машина на тэба зарэгестрырован или по доверэность? – Верзила выдержал выразительную паузу и неожиданно выдал: – Корочэ, выбырай: илы ты компенсируеш наша сэстронка дэньгами ее позор, илы... – И кавказец демонстративно помахал телефоном перед носом собеседника.

Юра не успел ответить, как позади него остановился темно-серый микроавтобус и из него вышли двое. Это были друзья детства – Толик Плещеев и Андрей Порубов.

– Так, джигиты, а что за базар? – подойдя к Гасану, исподлобья взглянул на него Андрей.

– Быстренько собираемся и валим отсюда на хрен! – В руках Толика неизвестно откуда появился огромный гаечный ключ.

– Валитэ, на хрэн, отсюда сами! – бросил худощавый.

Андрей, не обращая внимания на кавказцев, подошел к Покровскому и по-дружески обнял его.

– Ну вот и свиделись. Слышь, Юра, я что-то не догоняю. А чего эти «черные» от тебя хотят? И кто тебе так «вывеску» исцарапал?

– Да тут какая-то сумасшедшая начала кричать, что я ее будто бы изнасиловать захотел! – При появлении друзей Покровский окончательно успокоился.

– А то нет! – неожиданно подала голос полузабытая всеми девушка. – Вон, всю блузку в своей тачке изодрал!

– Постой-ка...

Андрей заглянул в машину и, подняв отлетевшую с блузки пуговицу, критически ее осмотрел. И тут взгляд его упал на видеорегистратор, подвешенный рядом с обзорным зеркальцем.

– Изнасиловать хотел, говоришь? – Он уселся на водительское сиденье и отщелкнул экранчик. – А мы сейчас посмотрим, как оно на самом-то деле было... Алё, джигиты! Быстренько сюда...

...Спустя несколько минут и Гасан, и его худощавый напарник поняли, что крыть нечем, ведь запись начисто опровергала версию о попытке изнасилования. Окажись такая запись в суде – и уголовное дело приобрело бы совершенно другой оборот: и девушка, и ее кавказские друзья наверняка были бы переведены в ранг обвиняемых.

Плещеев, отложив гаечный ключ на крышу машины, взглянул на собравшихся:

– Алло, народ! Подойдите сюда, пожалуйста. Вот видеозапись всего, что произошло в салоне. Никто никого не насиловал, эта прощмандовка сама себе блузку порвала, водителя поцарапала, а потом из машины выскочила. Короче, нашего друга только что хотели развести на деньги. Кто будет запись смотреть, чтобы потом в Юрика пальцем не тыкали как в насильника?

Люди, однако, решили не смотреть на экранчик видеорегистратора, а поскорее ретироваться. Ведь подобные истории в этом подмосковном городке редко заканчивались миром. А раз так – лучше уйти самим, чтобы случайно не попасть под раздачу...

– А разводка-то старая, – резюмировал Андрей, выходя из-за руля. – Ну, что, джигиты, делать будем?

Возможно, ситуацию можно было бы разрешить мирным путем, однако худощавый кавказец неожиданно встал в позу.

– А ты, гондон, откуда тут взался, да? – спросил он у Порубова с явной агрессией. – А знаэш, что...

Он не успел договорить. Резкий хук с правой – и кулак Андрея со всей силы впечатался в его скулу. Кавказец мгновенно отлетел на придорожные кусты, и с ветвей сыпануло брызгами. Он попытался было сунуть руку в карман, но Порубов тут же схватил его за грудки, поднял, потряхнул и ударил вновь – на этот раз ребром ладони под кадык. Кавказец болезненно захрипел, закашлялся и свалился к ногам Андрея. Было очевидно, что самостоятельно подняться он уже не сумеет.

Гасан, явно не ожидавший такого поворота событий, отступил назад на несколько шагов и беспомощно посмотрел по сторонам. Он явно искал сочувствия у еще остававшихся на остановке людей, однако теперь отношение к «защитникам невинной жертвы» изменилось кардинально.

– Приехали к нам, так ведите себя по-человечески! – неприязненно бросила бабка с хозяйственной сумкой. – Торгуете – торгуйте, а к русским парням нечего приставать!

Порубов медленно наступал на Гасана. Прижимаясь спиной к фонарному столбу, тот растерянно озираясь, при этом ладонь кавказца механически сжимала мобильный телефон.

– Предъявили нашему другу не по делу – придется отвечать, – недобро прищурился Андрей. – Давай по порядку. Давно в нашем городе так промышляете? Сколько народу со своей телкой развели? Кто вас тут кроет?

Если собака прекрасно чувствует выброс адреналина в испугавшемся ее, то и человек обычно быстро улавливает переход угрозы за грань, где она становится неотвратимой смертельной опасностью.

Глаза Гасана сузились, и он неожиданно попытался ударить Порубова коленом в промежность, но тот сумел-таки увернуться, перехватить поднятую ногу и отбросить нападавшего назад. Кавказец мгновенно грохнулся спиной на бордюр, истошно закричал, завыл и, выронив мобильник, скрылся в темноте.

Андрей не стал его преследовать.

...Спустя полчаса друзья сидели в небольшом уютном кафе.

– Что же ты, Юра, так лоханулся? – по-дружески снисходительно спросил Клещ. – У тебя же камера в салоне, все на секе! Почему на такую дурную предъяву купился?

– Да я не купился, – мягко улыбнулся Покровский. – Просто эти «черные» на меня так быстро наехали, что я и возразить ничего не успел!

– Все хорошо, что хорошо кончается, – примирительно произнес Андрей, разглядывая разбитую костяшку кулака.

– Не думаю, что это все просто так закончится, – серьезно возразил Плещеев. – Что-то слишком уж нагляком они себя вели. Не иначе, задница у них прикрыта.

Юра принялся изучать мобильник Гасана, подобранный с асфальта после его бегства. Пощелкал кнопками, залез в телефонную книгу и удивленно воскликнул:

– Ого! Смотри, чей тут телефончик записан! Сам Миша Зиганшин у него, оказывается, в корешах! А вот – исходящие звонки, за сегодняшний день – целых три штуки. Последний – за полтора часа до всей этой истории.

– Тогда все понятно, – поджал губы Плещеев. – У «черных» с Мишей – взаимовыгодное сотрудничество.

– Да хрен на них всех! – отмахнулся Андрей. – Вообще-то, Юра, мы к тебе по делу ехали, хорошо, что по дороге встретили. А дело такое, слушай...

– Ну, за встречу! – Миша Зиганшин поднял бокал с коньяком.

– За нас с тобой и за все хорошее! – не без кокетства ответила Люся и поцеловала любовника в щеку, пахнущую дорогим парфюмом.

Люся Пласконная, симпатичная сдобненькая блондинка, неуловимо напоминала немецких фарфоровых кукол, изображающих пейзажиков в длинных кружевных платьях. Провинциальная косметика, трогательные завитки на висках, всегда приоткрытые, чуть влажные розоватые губки и прозрачные незабудковые глаза, незамутненные ни одной, даже самой пустяковой, мыслью.

Под стать хозяйке выглядела и ее небольшая однокомнатная квартира: поддельная бронза, раскрашенные гипсовые статуэтки, огромная люстра с сотнями стеклянных подвесок и потемневшая картина в раме рококо над кроватью.

Мишу Зиганшина она буквально боготворила: небедный, красивый, высокий, к тому же герой-оперативник, почти как в сериале «Менты»! Да и Мишин папа был далеко не последним человеком в городе.

Бокалы сошлись с мелодичным звоном.

– Ты покушай, Мишенька, а то совсем ведь на своей службе ничего не ешь! – кивнула Люся на грамотно сервированный стол.

Как водится у большинства любовниц, она давно уже вела борьбу за то, чтобы Миша бросил свою жену и сделал ей предложение, потому к подобным вечерним свиданиям готовилась со всем тщанием. Если путь к сердцу мужчины лежит через желудок, то путь к сердцу вечно голодного оперативника – и подавно!

На чистеньких тарелочках были аккуратно разложены бутербродики с селедочкой, фаршированные икорочкой яйца, пунцовая редисочка, вперемешку с изумрудной зеленью молодого лука, ветчина с колбасочкой...

– Спасибо, – допив коньяк, потянулся к ветчине Миша. – Тем более я сегодня действительно ничего не ел.

– Работа, да?

– Всякое. Сегодня – криминальный труп, подозреваемого с трудом задержали, пришлось «табель» применять. Затем покушение на убийство. Попытка взлома квартиры. Ну, и начальство донимает, не без этого!

– Наверное, и стреляют там в вас, и с ножами бросаются, – уважительно предположила Пласконная.

– Наша служба и опасна, и трудна. – Зиганшин вновь принялся разливать коньяк.

– Что, и в тебя стреляли? – ужаснулась девушка.

– Знаешь, я не хотел бы об этом говорить.

– Если в тебя кто-нибудь будет стрелять, я его вот этими самыми руками... – сжала пухлые руки в маленькие сдобные кулачки Люся, – вот этими самыми руками придушу!

– Да я уж как-нибудь сам...

– Мишенька, ты бы бутерброды с селедочкой кушал! – заулыбалась она. – Я селедочку ужас как люблю, особенно если ее немного в молоке сперва вымочить. А недавно я еще один сериал смотрела, про вас, так там один мент... ой, прости, полицейский, был большим начальником и работал на бандитов, а потом в полицию пришел молодой и красивый опер, ну, прямо как ты, и он этого оборотня разоблачил! Представляешь?

– Так выпьем же за искреннее друг к другу отношение! – приподнял бокал с янтарным напитком Миша.

– И не говори! – Люся поджала губы, немного пригорюнилась, и в мимике Пласконной явственно прочитывалось: мол, искренность искренностью, но когда же ты свою рыжую дуру бросишь и ко мне навсегда перейдешь? Она-то так тебя с работы встречать не будет!

Они посидели на кухне еще минут пятнадцать. Люся без умолку рассказывала, какие рецепты нашла в Интернете, какие у нее некультурные соседи, целый день играющие на пиа-

нино и мешающие смотреть телевизор. Миша пил, закусывал и слушал, то и дело подливая коньяк любовнице.

– Ладно, пошли... – наконец поднялся он, подошел к девушке сзади и приобнял.

Пройдя в комнату, они долго целовались в полумраке. Миша скользнул руками под Люсину блузку, приподнял ее, расстегнул бюстгальтер. На глаза Пласконной тут же набежала томная поволока.

– Ой, обожди, я люблю, когда совсем темно, а то стесняюсь!

Девушка выскользнула из его объятий, быстро задернула шторы. А Зиганшин уже торопливо раздевался. Оставшись в одних трусах, он споро стянул с любовницы блузку и юбку, долго снимал бюстгальтер, потому что бретелька перепуталась с цепочкой. Меньше чем через минуту любовники рухнули на кровать.

– Ты же помнишь. Пусей меня назови, пусей, – щекотно шептала в самое ухо и извивалась молодая женщина. – Жалко тебе? Назови...

– Пуся ты моя, – проговорил Зиганшин. Почему-то это дурацкое слово его тоже возбуждало, было в его звучании что-то пушистое, сладкое и однозначно развратное.

...Спустя полчаса раскрасневшиеся мужчина и женщина снова сидели на кухне. Коньяк был допит, бутерброды почти съедены.

– Мишенька, ты такой сладкий, такой... м-м-м, настоящий мужчина! – блаженно зажмурилась Люся.

– Слушай, а выпить еще есть? – хмуро спросил Зиганшин.

– Сейчас в холодильнике посмотрю, с прошлого раза должно было остаться. Да и бутербродиков еще нарезать не мешает, под закуску. Ты не беспокойся, я быстро!

Пока Люся возилась на кухне, Миша прошел в прихожую, сунул руку в карман висевшего на вешалке пиджака, нащупал мобильник...

Звук был предусмотрительно выключен, и Зиганшин принялся просматривать пропущенные вызовы. Два от Катки, для которой он был на совещании, еще по одному – от сослуживца, отца и судмедэксперта. А вот четыре последних звонка с неизвестного Мише номера сразу же привлекли его внимание. Звонки совсем недавние, с интервалом в несколько минут.

Зиганшин никогда и ни при каких обстоятельствах не давал номер личного мобильного людям малознакомым – ему в основном звонили или на служебный, или на стационарный в кабинете. Настойчивость неизвестного абонента настораживала.

И тут мобильник в его руке завибрировал, словно шмель, и на экране высветился все тот же странный номер. Миша подумал, стоит ли отвечать этому абоненту, и после нескольких секунд колебаний решил-таки ответить.

– Мыша, у нас проблемма, нас чут нэ убылы! – отозвался телефон голосом Гасана. – Я тэбэ звону, понымаеш, а ты трубку не бэрош!

– Уважаемый Гасан, успокойся. – Зиганшин был поражен донельзя. – Кто тебя чуть не убил? Ты с чьего телефона звонишь? И вообще, ты почему такой нервный?

– Да будэш тут нэрвный в вашем городе, когда на нас бандыт нападает! – Звонивший был явно на грани истерики. – Меня ызбыли, Ресула тоже совсэм ызбыли... Куда смотрит мылыций?!

Мыслительный процесс у Зиганшина тут же полетел и запрыгал слаломом. Азербайджанские «гастролеры» были людьми выдержанными, спокойными и не склонными к истерикам. Судя по всему, Гасан со своим напарником крупно куда-то вляпались. Выплыви это наружу, и у молодого перспективного оперативника могут начаться очень серьезные неприятности.

– Ми-иша-а! – донесся с кухни голос хозяйки. – А у нас с тобой, оказывается, целая бутылка французского коньяка есть. Еще с Нового года оставалась, представляешь?

Зиганшин, не попадая руками в рукава, принялся одеваться. Сунул ноги в туфли и, не отрывая руки с мобильным телефоном от уха, спросил:

– Ты где сейчас?

– У наших, на рынке, – сумрачно ответил кавказец.

– Где именно?

– Гдэ всэгда... Ну, кафэ «Ленкорань», ты знаэш.

– Никуда не уходи, Ресулу тоже скажи, чтобы был на месте. Не психуй, через пятнадцать минут буду у вас.

Пройдя на кухню, оперативник виновато кивнул хозяйке:

– Люсенька, извини, мне только что со службы звонили, там попытка изнасилования, надо расследовать по горячим следам.

– А как же коньяк? – искренне огорчилась Пласконная. – И вообще, у нас сегодня с тобой запланирован романтический вечер! Если хочешь, можешь меня даже изнасиловать, я буду только «за»!

– Потом, потом...

– Сегодня больше не встретимся? – На незабудковые Люсины глаза навернулись крупные слезы.

– А это уж как получится, – вздохнул Зиганшин. – Я ведь говорил: наша служба и опасна, и трудна...

Глава 3

Чуть подсвеченное ночное небо раскинулось над областным центром. Все еще накрапывал дождь. Капли шелестели в листве тополей. Щетки за лобовым стеклом старенькой «Тойоты» двигались рывками, то и дело издавая противный скрежет, их давно надо было сменить, но работу свою они делали исправно. Дорога сквозь стекло просматривалась отлично. Глазок видеофиксатора над зеркальцем заднего вида был погашен.

Юра Покровский гнал по пустынной улице, лишь слегка притормаживая на пустых перекрестках, и тогда мерцающие желтым светофоры освещали его лицо призрачным, неживым светом. Андрей Порубов сидел рядом с водителем и задумчиво смотрел перед собой, словно видел нечто такое, доступное только его задумчивому взгляду. Он на удивление быстро и легко вернулся к вольной жизни, теперь зона казалась ему чем-то далеким, но все же реальным, куда при случае можно и вернуться против своей воли.

– Юрик, – нарушил он молчание, – во двор ко мне не заезжай. Там асфальт такой, что подвеску разобьешь, и так машина на ладан дышит. Я же слышу – ступица правого заднего гремит. Будет время, займусь. Пешком дойду.

– Машина-то старая, но и не такое видела, – покрутил головой Ботан. – Да и мать твою небось зажала, спать не ложилась. – Он кивнул на единственное горящее в пятиэтажке окно. – Сколько еще моей тачке жить осталось? Год, два?

– Если обломится нам, новую себе возьмешь, с полоборота заводиться станет.

– Никуда не денется, обломится, – уверенно заявил Ботаник. – Мы – пацаны фартовые, да и план у тебя стопудовый. А тачку новую себе по-любому возьму.

Покровский лихо вывернул руль и въехал в утопающий в темноте двор. Вопреки заверениям, он свою старенькую машину берег. Свет фар прошелся по припаркованным, засыпанным дождем машинам и уперся в микроавтобус «Скорой помощи», стоявший прямо у подъезда Андрея. Сердце у Порубова тут же екнуло. Покровский, хоть и почувствовал тревогу друга, но промолчал, не стал ни успокаивать, ни строить догадки. Он готов был помочь в любом случае, Андрюха мог на него рассчитывать.

– Я здесь подожду! – крикнул он вдогонку Порубову, а тот уже вскочил в подъезд и, прыгая через две ступеньки, помчался по лестнице.

У него все еще теплилась надежда, что приехали не к ним с матерью, и он корил себя, что вернулся поздно. Мало ли стариков живет в подъезде? Но эта надежда мгновенно растворилась, когда этажом выше щелкнул замок, распахнулась дверь и на площадке показались с носилками в руках двое мужчин в униформе. Молоденькая женщина-врач с пластиковым кофром шла следом за ними.

На носилках лежала прикрытая пледом Галина Федоровна. Лицо ее казалось присыпанным мукой, таким оно было бледным, глаза закрыты, седые волосы рассыпались по клеенчатым носилкам.

– Мама! – вырвалось у Андрея. Он подбежал и схватил холодеющую ладонь.

– Сынок, – приоткрыла отяжелевшие веки мать и попыталась приподнять голову. – Ты уж извини меня, что я так вот... Главное, что тебя оттуда дождалась. – Она покосилась на медиков, боясь, что они догадаются, откуда больная дождалась сына. – Боялась, уже никогда не увижу. – Мать дышала неровно, судорожно, ее пальцы сжали ладонь сына, но силы в них почти не чувствовалось.

– Вам не стоит разговаривать, – строго напомнила молодая врачиха.

– Слушай, что тебе доктор говорит, – слегка сжал пальцы матери Порубов.

Спрашивать, что с ней случилось, он не стал. И так было ясно – очередной приступ, после которого она могла и не оправиться.

– Сделайте что-нибудь, прошу вас, – проговорил Андрей, глядя молодой женщине в глаза.

– Все что могли, мы уже сделали. В больницу ее надо, – прозвучало в ответ. – Вы ее сын, как я поняла? – В глазах врача читалась недосказанность, она явно хотела потом переговорить с Андреем наедине, без больной, и новость была бы неутешительной.

Да Порубов и сам знал правду: матери осталось недолго на этом свете, если... конечно, не сделать за границей дорогостоящую операцию.

На узкой лестнице было трудно разворачиваться с носилками, на каждой площадке приходилось передавать их через перила. Он помогал водителю и практиканту-медбрата. Мать казалась вообще невесомой, словно какая-то часть ее естества уже улетучилась. Но при этом ему было приятно, что он хоть что-то может для нее сейчас сделать.

– Мама, осторожней. Я сейчас тебя подниму, – приговаривал Андрей. – Так, хорошо, а теперь, мужики, аккуратней.

Уже на улице он сбросил куртку и прикрыл ею мать от дождя, понимая, что толку от этого практически не будет, до «Скорой помощи» оставалось каких-то десять метров. Но ему хотелось сделать хоть что-то для нее.

– Мама, все будет хорошо, вот и доктор говорит... – Андрей попытался вложить в эти простые, банальные слова как можно больше тепла и надежды, и, кажется, ему это удалось. Или же мать почувствовала настроение сына и решила его подбодрить.

Она улыбнулась бескровными губами, и носилки исчезли в машине. Врач раскрыла кофр и стала торопливо готовить к работе кардиограф.

– Мы за вами поедem, – бросил ей Андрей.

Дверца «Скорой помощи» шумно закрылась, затарахтел мотор. Порубов уже сидел рядом с Покровским, руки у него тряслись.

– Ну, как? Совсем плохо? Ты уж извини, что мы тебя задержали, – тихо проговорил Юрик.

– Все будет хорошо, – стиснув зубы, ответил Порубов, и эти слова прозвучали как обещание самому себе.

Столько времени он мечтал о том, как вернется, как поест приготовленное матерью, как она будет сидеть, глядя на него и украдкой смахивая набежавшую слезу. Это и случилось. Но почему судьба дала им так мало времени? За что такая кара?

«Скорая помощь», переваливаясь на выкрошившихся в асфальте выбоинах, двинулась к улице. «Тойота» катила следом. Порубов нервно потянулся за сигаретами, но в кармане оказалась пустая пачка.

– Мои в бардачке возьми, – тут же подсказал Ботан, уверенно ведя автомобиль и держась в «кильватере».

А Андрей мысленно повторял себе: «Все будет хорошо. Я спасу тебя, мама. Чего бы это мне ни стоило».

Он еще не до конца понимал, как поможет, но знал, что сумеет. Нет в этой жизни безвыходных ситуаций. Главное – иметь цель и стремиться к ней, все остальное придет.

Андрей плохо помнил, как доехали до больницы, находившейся на окраине города, ему еще что-то говорил Юра, но он не слышал его, не понимал слов.

– Ты езжай домой, дальше я сам. Ты и так помог. – Крепко пожав руку друга, Порубов бросился вслед за каталкой, на которую уже переложили Галину Федоровну.

Санитары торопливо затолкали каталку в широко открытые стеклянные двери приемного покоя, и колесики мелко застучали на стыках керамических плиток пола. Мать Андрея уже не открывала глаза, не отвечала, когда он ее спрашивал. Черты ее лица заострились, веки мелко дрожали.

Андрея просто отстранили перед двустворчатой дверью реанимационного бокса:

– Вам туда нельзя.

Две половинки дверного полотна с кругами матового стекла качнулись и сошлись за каталкой. Врач «Скорой помощи» посмотрела на Андрея и пожелала ему с матерью удачи. Сказано это было очень искренне, потому и хотелось поверить.

Порубов нервно заходил по гулкому коридору, укоряя себя, что не приехал сегодня раньше, будто бы это могло что-то изменить. Мать оставалась у него единственным близким человеком на земле, а он не мог ей сейчас ничем помочь. Все было в руках врачей, находившихся за дверью реанимационного бокса.

Почувствовав, что изводит себя почему зря, Андрей сел на подоконник и стал смотреть на матовое стекло в двери бокса, за которым слегка просматривались движущиеся тени, слышались голоса, то тревожные, то деловито-спокойные, но слов он разобрать не мог.

Выскочила в коридор и куда-то побежала медсестра. Андрей бросился за ней следом, будто она была здесь главной и могла что-то подсказать.

– Как там она? – Порубов пытался на ходу заглянуть медсестре в лицо, но видел только испуганные его безумным взглядом глаза над марлевой маской.

– Мы делаем все возможное, – прозвучало в ответ малоутешительное. – Ждите.

Андрей вернулся и вновь сел на широкий подоконник. Хотелось курить, но он боялся отойти даже на секунду, пропустить решающий момент.

Та же медсестра уже катила в реанимационный бокс какой-то мудреный аппарат на высокой тележке. Когда она проходила через дверь, Порубов попытался заглянуть, но увидел лишь выложенную кафелем стену и ряд умывальников, в которых отливало яркий свет бестеновой лампы.

Даже находясь на зоне, Андрей никогда не обращался к Богу, не просил Его о чем-либо, все свои проблемы он привык решать сам и делал это успешно. Никому еще не позволил взять над собой верх, поступить против совести. Ни блатным, ни администрации, хотя соблазнительных предложений хватало. Но Андрюха точно знал, что нельзя поступаться совестью. Продашь, пожертвуешь маленький ее кусок, и все, пропал – остальное заберут задаром, и станешь ты никем, и имя твое станет «никак».

Ощущая свое полное бессилие, он принялся молиться. Нет, Андрей не знал ни одной молитвы и все слова придумывал сам, на ходу. Просил сохранить жизнь его матери и дать ему фарт помочь ей. Было бы надо, он распластался бы крестом прямо здесь, в коридоре, принялся бы бить головой в пол, но он буквально ощущал, что Всевышний слышит его и так, без показного...

Минуло два мучительных часа ожидания. Наконец двустворчатая дверь распахнулась, задребезжала поблескивающая металлом каталка. Галина Федоровна лежала прикрытая простыней до подбородка.

– Мама... – проговорил Андрей, поняв, что самый страшный вариант отсрочен и у него появился шанс.

– Она не слышит вас. Наркоз еще действует, – объяснила медсестра. – Мы отвезем ее в реанимационную палату, туда посетителям нельзя, – предупредила она.

– Ничего нельзя?

– Ничего.

Каталка удалялась. Андрей стоял, не зная, что ему сейчас делать. Из бокса вышел уставший реаниматолог – высокий немолодой мужчина в операционных бахилах. Он сорвал с лица повязку, сунул ее в карман, понимающе глянул на Андрея и предложил:

– Пошли покурим, а заодно и поговорим. Есть о чем.

– Пошли, – согласился Андрей.

За окном уже занимался рассвет. Врач сидел в кабинете, размешивая в большой чашке растворимый кофе, в пепельнице набралось уже шесть окурков. Сам Андрей от кофе отказался.

Ему казалось, что ему сейчас ни пить, ни есть уже не надо. Организм мобилизовал силы, он мог сейчас и горы свернуть, было бы куда приложить силы, лишь бы толк от этого был.

– ...на этот раз мне удалось возобновить биение и потом красиво восстановить ритм сердца, – спокойно говорил реаниматолог. – Но в следующий раз этого может и не случиться.

– Доктор, только честно, сколько ей осталось, если не сделать операцию? – Андрей почувствовал холодок в душе от собственных слов. – Мне это нужно точно знать. Должен же быть шанс. Все для этого сделаю.

Врач отхлебнул кофе, взглянул на потолок, будто там был написан ответ, и сказал:

– Полгода, и это оптимистический вариант. Но из них месяца четыре придется на больницу. Такие операции могут сделать у нас только в Москве и Питере. Но бюджетная очередь на них... – присвистнул реаниматолог. – На годы вперед расписано. Нам на область даже не каждый год место в ней выделяют. А таких больных у нас двадцать пять человек. Вот в Европе за деньги – можно.

– Мать говорила, операция сорок тысяч евро стоит? – уточнил Порубов.

– Абсолютно верно, дорогой вы мой человек, – подтвердил реаниматолог, отхлебывая кофе.

– Можете подсказать клинику, где ей сделают операцию?

Реаниматолог вопросительно посмотрел на Порубова – мол, у вас, молодой человек, таких денег нет и никогда не будет, если, конечно, вы банк не ограбите.

– Бабки я найду, в смысле, деньги отыщутся, не сомневайтесь. Она же для меня все.

Врач недоверчиво прищурился, но спорить не стал, поднялся, шагнул к старому стеллажу и вытащил красочный каталог.

– Ездил я в Берлин на симпозиум по обмену опытом, там и взял. Совсем свежий каталог, этого года.

Зашуршали глянцевые страницы, с которых Порубову широко улыбались счастливые заграничные пациенты, строго и умно смотрели из-под очков светила мировой кардиологии, за окнами палат открывались чудесные пейзажи.

– Вижу, вы по-английски почти не читаете, – чуть заметно улыбнулся врач, глядя на то, как пытается разобрать напечатанное Андрей.

– Последний раз в школе читал, – честно признался тот, разглядывая цветной разворот каталога с фотографиями палат немецкого медицинского центра кардиологии, и твердо пообещал себе в мыслях, что не пройдет и месяца, как его мать уже будет проходить послеоперационную реабилитацию в одном из этих интерьеров. А мысли и слова его никогда не расходились с делом.

– Я вам переведу. В вашем случае – это самая лучшая клиника. У них девяносто пять процентов удачных операций, даже в запущенных случаях, как у вашей матери. Извините за откровенность, где ж вы раньше были, почему только сейчас спохватились? Вот если бы года два назад...

За городом всегда спокойней и тише, чем в самом городе. Роскошные мальвы раскачивались на ветру. Вечернее солнце крошилось в противопожарном пруду. Звучно квакали лягушки, искали себе пару. Дикий виноград густо покрывал сетчатые проволочные заборы небогатых дачных участков рядового кооператива. В будний день большинство дач пустовало. Что поделаешь – работа, нужно зарабатывать для прожития семьи. Лишь пенсионеры могли позволить себе роскошь отдыхать за городом. Некоторые, начиная с весны и кончая поздней осенью, тут и жили постоянно. Пенсия небольшая, особо не наездишься, бензин дорогой, да и машины у пенсионеров старые. А тут сад-огород с дармовыми овощами, зелень, грибы-ягоды в лесу. Повезет – можно и рыбы на уху в речушке наловить. Старому человеку много не надо,

лишь бы осталось с пенсии детям-внукам помочь. Если позволяло здоровье, то одинокие старики сдавали свои городские квартиры, а сами в сезон перебирались на дачи.

Одним из таких отшельников был Петр Антонович Замирухин. В свое время работал он актером, играл в областном театре, как-то даже ему роль Гамлета доверили, но долго в этом образе Замирухин на сцене не задержался. Не повезло, попал в драку возле ресторана – шпана стайей налетела, так его отделали, что о профессиональной сцене навсегда пришлось забыть. Как же играть будешь, если на лицо пятнадцать швов наложили, челюсть неправильно срослась и рука лишь наполовину сгибается? Пару лет продержали Петра Антоновича в театральной массовке, играл роли типа «кушать подано», а потом подвернулась работа по душе. Возглавил он театральный кружок при городском Дворце молодежи. Многие через этот кружок прошли, кое-кто даже настоящим актером стал.

Андрей Порубов и Толик Плещеев тоже в любительских спектаклях участвовали, надежды артистические подавали. Ну а когда школу окончили, надо было в жизни определяться, и не до театра стало. Но взбалмошного старика добрым словом иногда вспоминали, захаживали к нему, пока он на пенсию не вышел и на дачу не перебрался. Вот уже четыре года, как не виделись.

Петр Антонович сидел на террасе своего домика, щурился на пунцовое заходящее солнце, думал о том, что вот еще один день почти и прожит. А впереди его не ждет ничего! Еще один такой пустой день, который нужно пробрести, прожить как придется.

Участок был его гордостью. Другие могли похвастаться ухоженными грядками, теплицами, а свои четыре сотки бывший артист превратил в произведение искусства. Повсюду стояли подобию театральных декораций: то плетень с развешанными на нем глиняными горшками, то большая напольная ваза, имелась даже старая деревянная телега с оббитыми металлическими обручами колесами, цветы роскошно чувствовали себя в плетенной из орешника гигантской корзине.

По узкому проезду между участками неторопливо шли, осматриваясь по сторонам, двое молодых людей. Один из них нес на плече довольно увесистую сумку. Парни были явно чужими в здешних краях, своих-то Петр Антонович всех издали узнавал. Всех знал, не первый год тут обитал. Он близоруко прищурился и окликнул их:

– Молодые люди! Заблудились, что ли?

– Петр Антонович, вы что, нас не узнаете? – сделал шаг коротко стриженный.

Бывший актер пригляделся и растерянно всплеснул руками:

– Порубов, Плещеев! – Расчувствовавшись, он даже обнял парней, неожиданно наведавших своего наставника сценического искусства.

Сумка на плече Андрюхи многообещающе глухо звякнула – явно в ней таилась не одна полная бутылка.

– А мы тут в соседнем поселке у кореша были, – беззастенчиво врал Порубов. – Вот и вспомнили о вас, заглянуть на огонек решили. Не прогоните бродяг?

Сумка еще раз глухо звякнула.

Естественно, Замирухин прогонять неожиданных гостей не стал. Ему приятно было, не забыли его ребята, уважили.

– Я сейчас на стол чего-нибудь соберу, – засуетился бывший артист.

– Да мы, батя, к вам не с пустыми руками пришли. Про бродяг мы так, для слова сказали. На самом деле мы мужчины самостоятельные. – Порубов выставил на стол бутылку водяры, пакеты с нарезанной колбасой, консервы, хлеб.

Петру Антоновичу пришлось добавить к этому лишь зелень с грядок и стаканы.

– Ну, выпьем сначала за искусство. Самое главное из искусств для нас – театр, – разлил спиртное Клещ.

Замирухин не стал спорить насчет того, что и ему налили столько же, как и себе, хотя обычно старики пьют меньше молодых.

– Хороший тост. За искусство, потому что оно вечное, – охотно подхватил он. – Я, ребята, человек, отравленный искусством. Всю жизнь ему отдал. Сколько судеб на сцене чужих пережил – вспомнить страшно.

– Ну так за это и пьем, – прищурился Порубов. – За вас в том числе.

Старик окончательно расчувствовался, даже слеза в глазах блеснула.

Выпили, закусили. Начались расспросы за жизнь, кто чем теперь занимается. Андрюха не стал хвалиться своей ходкой на зону, все уводил разговор к прошлому, и Замирухину это нравилось. Он сокрушался, что никто из пацанов не стал настоящим артистом, охотно вспоминал драмкружок, свою давнюю работу в театре. Клещ расторопно подливал, а когда бутылка опустела, ловко поставил на стол вторую. Старый артист не возражал и быстро пьянел – в гости к нему редко кто заглядывал.

– Меня мать в детстве в театр специально на вас посмотреть приводила. Как раз Гамлета давали, – улыбнулся Андрей.

– Никто Гамлета не играл так, как я. Вот разве что Володя Высоцкий. Но это же гений! – завелся с его подачи Замирухин. – А теперь таких людей уже не делают – перевелись как порода.

Порубов, не слишком налегая, стал возражать, мол, и теперь в областном театре «Гамлет» идет, народ спектакли посещает.

– Да не на «Гамлета» они идут, – негодовал Замирухин, – а на этого смазливого, даже не хочу его имя произносить в своем доме.

– На Безрукова похожий, только с бородкой, – высказал странную осведомленность в репертуаре областного театра Порубов.

– Вот-вот. Он не игрой берет, а тем, что на звезду телевизионную похож. Бабы от него кипятком писают, а актер он никакой. Совсем никакой. Только мордой своей торгует. Я уже говорил – настоящих артистов теперь не делают. А почему? Учителей больше нет, повывелись. Традиция прервалась. Но это хорошо, ребята, что вы на спектакли ходите. Хотя бы будете знать, как играть не следует...

Андрюха с Клещем только поддакивали.

Когда появились первые комары, перебрались в дом, устроились в комнате с небольшим камином, украшенным собственноручно вылепленными из глины Петром Антоновичем русалками. Сисястые нимфы были безыскусно раскрашены гуашью – ярко-зеленые хвосты и волосы, нежно-розовые груди с карминовыми каплями сосков. Чувствовалось, что старый актер не реализовал в жизни всех своих сексуальных фантазий и теперь, на пенсии, догоняет упущенное в чуждом для своих талантов творчестве скульптора.

От выпитого Замирухин, казалось, помолодел, раскраснелся. Его зычный актерский голос заставлял дрожать стекла в доме:

– Если ты не играл Гамлета, то ты не артист. Попробуй в образ войти. Не каждому такое дано. Только великим! Шутка ли, почувствовать себя принцем датским.

Раздухарившись, он легко поддался на провокацию. Вскоре, маханув еще полстакана водки, вытащил из кладовки сундук, стер тряпкой с крышки толстый слой накопленной за годы пыли и извлек на свет божий старые театральные костюмы времен театрального кружка во Дворце молодежи, на дне сундука отыскал длинноволосый парик, а коробки с гримом доставать не стал.

Преобразившийся Петр Антонович выглядел внушительно – тронутые сединой волосы до плеч, завернут в средневековый плащ на манер тоги, на боку рапира, на ногах ботфорты. Воздев руку к потолку, обшитому вагонкой, он, ни разу не сбившись, прочитал знаменитый монолог Гамлета про «...быть или не быть...».

– Иногда забываю, что вчера на ужин ел, а эти слова до сих пор помню. – Бывший актер, запыхавшись, сел на стул и приложил руку к сердцу. То ли хотел этим сказать, что слова великого драматурга – самого Вильяма Шекспира – навечно сохранились там, то ли просто сердце слегка прихватило от выпитого.

– Быть или не быть – это, в самом деле, вопрос. А вот пить или не пить – в этом никакого вопроса не было и нет, только ответ. – Клещ тут же налил всем водки.

– Вот это ты верно заметил. Водка и творчество неразлучны. Это молодые актеры теперь не пьют. Кто-то наркотиками балуется, кто-то «форму» бережет. А великого искусства без алкоголя не бывает. Теперь уже нет того великого искусства, только проשמандовки какие-то на экране задницами крутят. И это называется искусством!

Несмотря на такое предисловие, вновь выпили за искусство. Вскоре язык у старика стал заплетаться, он произносил невнятные фразы, голова то и дело падала на грудь. Порубов с Плещеевым заботливо довели его до кровати, помогли снять театральные ботфорты Гамлета, плащ, уложив в постель. Через пару минут Петр Антонович уже храпел.

– Бедный Йорик, – процитировал Андрюха.

– Не Йорик, а Замирухин, – поправил его Клещ.

– Нехорошо, конечно, – проговорил Порубов, садясь на корточки возле сундука с театральным хламом. – Старик бы и так нам дал то, что нужно – стоило попросить. Но спалились бы, по-другому никак нельзя.

– Считай, не для себя берем, – успокаивал разнервничавшегося приятеля Плещеев и выкладывал на стол то, что могло им понадобиться. – Теперь таких париков не делают, сплошь синтетика. А эти из настоящих волос. Бабе еще подходящий парик в магазине найти можно, все они красятся, настоящих и не осталось, а мужику парик и не подберешь.

– Настоящему мужику парик ни к чему. Только в нашем случае понадобится.

Клещ приложил к верхней губе усы, надел очки без диоптрий, отчего сразу же стал смотреться старше.

– Как настоящие, никто не просечет, – оценил Андрюха и забросил в сумку деревянные коробки с гримом.

Наскоро убрались в доме, сполоснули посуду, еду и недопитую бутылку поставили в холодильник, чтобы хозяин потом не корил гостей. Проснется и скажет: «Молодцы, ребята. Все за собой убрали и старика уважили».

Несколько полегчавший сундук занесли в кладовку. Было понятно, что Замирухин в ближайшее время заглядывать в него не станет, если и обнаружит пропажу, то очень не скоро.

Андрюха с Толиком быстро шагали к шоссе. На съезде у самого леска виднелась Юркина «Тойота», припаркованная под молодыми соснами. Сам Покровский сидел неподалеку на невысоком пенке с работающим ноутбуком на коленях, щелкал клавишами. Порубов уже не представлял его себе без компьютера. Ботан и техника в последнее время срослись между собой, стали одним целым.

– Ну как? – поинтересовался Юра, не отрывая взгляда от экрана, а руки от клавиатуры.

– Все путем получилось, никто ни на кого в обиде не остался, – отозвался Порубов, бросая сумку на заднее сиденье. – Все, что требуется, взяли. В долг взяли.

– Я тоже времени зря не терял. Пока вас дожидался, кое-что накопал. Реклама – все-таки великая вещь, особенно реклама акций ювелирных салонов, – хитро усмехнулся Ботан. – Поехали, по дороге расскажу.

Глава 4

О том, что ее муж, Миша Зиганшин, завел себе пассию на стороне, длинноногая красавица Катя Пряник догадывалась уже давно. Поняла это буквально в тот же день, когда ее супруг впервые переспал с Люсей. Не знала об этом, но почувствовала.

Женщине для таких догадок не нужно доказательств, снимков, сделанных через окно, рассказов подруг, не надо мужа с любовницей за ногу в постели ловить. Бабы такое просто чувствуют по поведению своих мужчин. У мужиков последствия подобного просто на лице написаны – русским по белому, как в народе говорится. А народ – он никогда не ошибается.

В один прекрасный день погас для Кати в глазах Зиганшина слегка сумасшедший огонек. Недолго он горел, погас и больше не зажигался. Мужики в большинстве такие: добьются, чего хотели, а дальше им новое подавай. Свадьба для них не финал, а только антракт в сексуальных приключениях. Закончится медовый месяц – и все, они уже жаждут новых впечатлений. Покоренная вершина в данном случае – не вершина, а так, промежуточный пункт в восхождении.

Раньше Миша поцеловать Катю лишний раз норовил, подарки или цветы домой приносил, со службы старался пораньше прийти. Случалось, конечно, с какими-то своими знакомыми и сослуживцами основательно водкой нажирался, его тогда домой привозили на патрульной машине, сам идти не мог. Под дверь ставили и в звонок звонили, а сами убегали. Тащила тогда жена упирающегося мужа к постели, раздевала его, а он упирался. Трудно было, но Катя знала, что не изменяет он ей.

Конечно же, служба не сахар, сил много забирает, вот и расслабиться время от времени мужу следует. Потому что даже скандалы ему наутро не устраивала. Вечером-то устраивать бессмысленно – пьяный мужик невменяемый, говорит сам не знает что. То заочные разговоры с начальством ведет – оправдывается, то перед подследственными изгаляется. Но ни разу пьяный Мишка ей обидных слов не говорил.

Ну а потом стал приходиться тоже поздно, но куда трезвее прежнего. Спокойный, внимательный, словно прощения за что-то просил. И не водкой уже от него пахло, а дорогим коньяком, который в нормальной мужской компании пить не станут, в горло не полезет, если подумаешь, сколько за него отдать пришлось. Да и в постели стал Катю куда реже беспокоить, словно не с женой лежит, а с бесчувственным бревном.

Секс стал у них случаться нечасто и будто по расписанию, без поцелуев, без ласк, буднично, словно работу подневольную делали. В эти моменты Катя нутром чувствовала, что вместо нее Миша себе другую женщину представляет, даже пару раз «пусей своей» назвал, чего раньше никогда не было.

До поры до времени она старалась на все это закрывать глаза. Мол, время пройдет, одумается Зиганшин, поймет, что не дело на сторону шастать, если дома тебя женщина ждет, которой ты изо всех сил добивался, перед которой на коленях стоял, которая от тебя ребенка иметь хочет. Но даже женское терпение имеет предел.

Как-то раз Миша в душ забрался и по привычке мобильник с собой взял. Мало ли, по службе всегда вызвать могут. Ничего подозрительного Катя в этом поначалу не усмотрела, но вдруг услышала сквозь шум воды, как коротко зачирикала трубка в ванной, Миша не ответил своим обычным официальным «Зиганшин слушает», а стал говорить тихо-тихо, словно прячась. Грех это – чужие разговоры подслушивать, самой себе неприятности искать, другим горе доставлять, но Катя имела на это право. Подошла к самой двери и ухом к ней припала. Не многое удалось расслышать, но и того было достаточно, чтобы все понять о муже и его теперешних делах на стороне.

– ...пуска ты моя, Люсенька, – нежно шептал Миша. – Ну, не могу сегодня... я со своей дурой в гости вечером иду... хорошо, что-нибудь придумаю, жди...

Катя тут же отошла от двери и пошла на кухню, все ждала, что же муж придумает сказать...

Ничего умного и нового Зиганшин, конечно же, не придумал. В обед зачирикал его мобильник. Ясно, что вновь «пуся» звонила, подгоняла, чтобы скорее к ней приходил. Миша коротко и официально поговорил, затем соорил для Кати ожидаемо скорбное лицо и проинформировал:

– Гости, Катька, возможно, и отменяются. Не дадут мне спокойной жизни, опять ограбление со взломом случилось.

– Когда хоть вернешься? Успеешь? – не стала спорить и показывать, будто догадывается о супружеском обмане, Катя.

– Если что, ты уж за меня извинись, одна сходи поспразднуй. Когда вернусь, еще не знаю. Преступление, оно, как всегда, только по горячим следам раскрывается. Не успеешь, след остынет – и тогда ищи ветра в поле.

Михаил наскоро оделся и вышел из дома. Но Катя уже готова была к такому повороту, загодя договорилась с соседкой машину у нее взять, будто бы Катина сломалась.

Служебный автомобиль за Михаилом, как он говорил, конечно же, не заехал, он поймал на улице такси.

Так его Катя до самого Люськиного дома на соседской машине и проследила. Видела, как муж за цветами, фруктами и выпивкой в универсам заходил, как в ювелирный салон «Славянское золото» заезжал, о чем-то с девушкой-консультантом советовался, витрины рассматривал, как ему бесстыжая любовница в махровом банном халате с балкона махала, через перила перегибалась. Короче, спалился Зиганшин перед женой по полной программе. Вот только Катька не спешила праздновать успех, вместо того чтобы подняться и в дверь заколотить, она сидела в машине.

Редкие дождевые капли падали на стекло, сливались, текли тонкими ручейками. Извилистая, как судьба самой Катьки, струйка табачного дыма плыла над приспущенным стеклом, руки дрожали, она не всегда попадала в выдвинутую пепельницу, и серые хлопья сыпались на коврик. В голове пульсировало вспышками ранних летних молний одно слово: «сучка», и хотелось понять, чего же такого умеет эта «пуся», чего Катя Пряник не может.

Стало обидно до слез. Они и потекли, как те капли по ветровому стеклу, а молодая, полная сил женщина их не сдерживала, не смахивала.

Самое страшное, что может произойти в молодости, – это разочароваться в людях, а главное, в себе. Разочарованная женщина страшна в своей непредсказуемости. Пришлось вспомнить о том, о чем Катя стремилась забыть. Вспомнилось, как гуляли они с Андреем Порубовым поздними вечерами по городу и не хотелось расходиться по домам. Как целовались во дворах, в темном парке и в подъездах, целовались до сладкой боли в губах. Как однажды сидели на скамейке под разбитым фонарем и скользнули его руки ей под одежду. Катя замерла тогда на секунду, ощутив, что теряет голову, но вместо того чтобы отдаться чувству, отпрянула, одернула блузку и строго произнесла: «Только после свадьбы». – «А мы, пацанка, обязательно с тобой поженимся, не сомневайся, хоть сейчас, под звездами и луной, присягну. Со мной счастливой будешь», – ответил тогда Порубов и тут же, простерев руки к небу, поклялся, что так и будет.

И никогда в дальнейшем Андрюха не настаивал на большем в отношениях, хотя Катя была уже готова к этому, не сомневаясь в своем парне. Уверенность в душе была, что никогда не бросит, что бы с ним ни случилось. Она чувствовала себя защищенной, как за каменной стеной. Все на районе знали, что она его девушка, а потому никто ее обидеть не смел, даже косо посмотреть.

А потом случилось страшное и непредвиденное – повинтили Андрюху. Суд, приговор, этап, зона. Катя на всех судебных заседаниях была, знала, что Андрей невиновен. Но что поде-

лаешь? Кто ее слушать станет? Кому есть дело до ее «он никогда на такое бы не пошел»? Лбом стенку не прошибешь. Хорошо еще, что верные друзья чем могли помогали ему. Всего три года судья дал, а мог и пять. Катька твердо решила ждать его возвращения. Свиданок ей, разумеется, не предоставили. Ведь она Андрюхе не жена, не сестра. На таких, как она, персонал зоны косо смотрит, в спину эковскими «мочалками» и «подстилками» называет. Вот и оставалось только письма писать да дачки возить, несмотря на то что Катькины родители все делали, чтобы их любовь по переписке прекратилась.

Решив помочь Андрюхе, Катя Пряник пошла к Мише Зиганшину. Все-таки близилась половина срока, на УДО могли отпустить. Отец у него прокурор, и сам в органах работает. Да и нравилась Катя Михаилу, он к ней раньше подкатывался, даже что-то вроде романа завязывалось, пока не появился на горизонте Андрюха Порубов.

Михаил выслушал, обещал справки навести, нужных людей напярять. Она, дура, и обрадовалась. Через недельку встретились вновь в кафе под зонтиками. Тут ей Зиганшин глаза и открыл. Мол, Андрюха твой с блатными связался, вины своей не признает, не раскаивается, из ШИЗО не вылезает. Не светит ему выйти раньше срока, не исключено, что еще пару годков выездной суд набросит. И вообще, для таких, как он, на будущее тюрьма – родимый дом. Катя сначала не поверила, но Зиганшин не только пустые слова в запасе имел. Как настоящий мент, он и вещдоки на конец приберег, показал девушке несколько отксерокопированных любовных писем Порубова, которые тот в разные концы страны разным девицам писал. Да какими ласковыми словами! Она-то думала, он только ей одной их говорил.

Откуда ей было знать, что это Андрюха товарищам по несчастью, другим экам, письма для их любимых женщин сочинял? Любовные письма – единственная радость у заключенного, если не считать писем матери. На зоне такое не редкость. Каждый, в чем силен, другим помогает.

Похолодело тогда в груди у Кати, словно вонзился ей в сердце осколок разбитого бедой ледяного зеркала. Разочарование пришло и злость за обман любимого. Стало рыжеволосой красавице все равно, что с ней дальше будет.

Зиганшин времени не терял, чего хотел, добился. Катю обхаживал, в кафе-рестораны приглашал, цветы дарил... Короче, вышла-таки она за него замуж, не столько самой хотелось, сколько родители уговорили.

Единственное, на что надеялась в этом браке, дети в достатке расти будут. Только вот не забеременела до сих пор. А теперь вот к другой ее муж бегать начал. Чем она не угодила?

Капли редкого дождя падали на лобовое стекло, понемногу смеркалось. В окнах дома загорался свет, но только не в Люсином окне. Слезы у Кати уже кончились, а столбики серого сигаретного пепла продолжали падать на пол машины...

...Люся, покрасневшая, пышная, сидела перед трюмо. На Плосконной совсем ничегошеньки не было надето, если не считать цепочки на шее. Зиганшин лежал на диване и довольно улыбался. После секса мужики всегда так глупо себя ведут.

– ...Я тебе и готовлю, и о работе расспрашиваю. Я тебе и в постели любовница, и в доме жена, – чирикала Люся, рассматривая синеватое пятнышко на груди. – А ты мне только засос поставил, платье открытое теперь не надеть.

– Ну, положим, не только засос поставил, – ухмыльнулся Михаил. – Да и отчитываться тебе ни перед кем не надо. Ходи носи его, как орден, на груди. Читайте, завидуйте.

– В том-то и беда, что отчитываться мне не перед кем. – Люся взяла слегка стервозный тон, но не перегибала с этим – все-таки с любовником нельзя быть такой категоричной, как с мужем. – Жизнь-то идет. Ты мне вот только сейчас, пять минут назад, что клятвенно обещал? Уйти от своей дуры и жениться на мне.

– Когда я на тебе, «пуся» моя, то, что попросишь, пообещаю, сдержаться не получается. Но не могу я сейчас так просто к тебе уйти. У нас на службе за моралью следят, на карьерный рост повлияет. Вот получу скоро новую должность...

– Посмотрели бы они на то, что ты тут со мной вытворяешь... – делано прикрыла лицо ладонями Люська, изображая крайнее смущение. – Даже вспомнить стыдно. Развратник! Я до тебя о таких вещах и не догадывалась.

– Но сладко? – не без гордости спросил Миша, осматривая аппетитные округлости любовницы, покрытые красными пятнами.

– Сладко-то оно сладко, но горько вспоминать обо всем, когда тебя рядом нет. Я тут по ночам совсем одна и все думаю, как ты там со своей рыжей дурой в постели. По ночам мне тааа-ак одиноко и холодно... – И тут же в Люсиной голове что-то непоследовательно переключилось. – Я, пока тебя ждала, телевизор смотрела, там шоу домохозяйек показывали. Так вот, ведущая сказала, что на Западе подсчитали, если бы работающий мужчина нанимал специалистов готовить, гладить, стирать, квартиру убирать, за детьми присматривать, сексом с ним заниматься, то стоило бы ему это двадцать тысяч баксов в месяц, а то и больше. А жена ему это все бесплатно дает!

– Можно подумать, что жена сама не ест и трахаться ей самой влом, – вздохнул Михаил.

– Ты об этом у своей Катки спроси, послушаешь, что она тебе ответит. Со мной напоследок возбуждаешься, под халат лезешь и уходишь, а потом с ней в постели кувыркаешься. Мне же обидно. Вы, мужики, такие кобели...

Зиганшин почувствовал, что пришел момент откупиться от Люськи, иначе вновь вернется к теме женитьбы.

– Люська, а давай я тебе подарок сделаю. Только ты сама его себе купишь, а деньги я тебе дам.

– Подарок? – переспросила Пласконная, всем своим видом показывая, что, скорее всего, Миша задумал отделаться от нее какой-нибудь мелочовкой.

– Колечко золотое с камешком, – озвучил свое предложение Зиганшин. – Помнишь, ты мне рассказывала про акцию в ювелирном салоне? Ну, так я не поленился, зашел, посмотрел, приценился.

– Правда?

– А когда я тебе врал? – Зиганшин подхватил со спинки стула брюки, вытащил бумажник и торжественно стал отсчитывать из него купюры, выкладывая их на тумбочку.

Картина была такой, будто клиент рассчитывается с понравившейся ему проституткой в надежде прийти еще раз и получить не меньшее, а то и большее удовольствие...

...Катя Пряник томилась в одолженной у соседки машине, почти наверняка зная, что происходит сейчас между ее мужем и блондинистой сучкой. От этого на душе было мерзко, словно туда кошки нагадили. Наконец распахнулась застекленная дверь, и на балкон вышли раскрасневшиеся Михаил с Люсей. На Пласконной был махровый халат, надетый на голое тело. Любовники закурили. Люська бесстыже жалась сиськами к Михаилу, все норовила поцеловаться, а Зиганшин вяло сопротивлялся, мол, не здесь, люди могут увидеть.

Катя не выдержала, набрала на мобильнике номер мужа. Миша почувствовал жужжание в кармане, полез за трубкой, глянул на монитор, сбросил вызов и вернул телефон на место. Она не стала повторять звонок, понимала, что сейчас бы не удержалась и выложила бы муженьку все, что о нем думает, а это было бы слишком просто. Кате же захотелось мести, и мести утонченной, такой, чтобы потом ему было бы мучительно больно.

Наконец Пласконная закурила тонкую цветную сигарету и щелчком отправила ее за перила балкона. Окурочек прочертил в воздухе огненную дугу и упал перед самым капотом машины, брызнув праздничными искрами.

– Сучка, – процедила Катя и завела двигатель.

Михаил вернулся домой поздно. Пользоваться домофоном не стал, открыл дверь своим ключом. Катя лежала в постели, смотрела телевизор, по стенам прыгали цветные блики, отбрасываемые экраном. Лицо жены было непроницаемым.

– Не спишь еще? – притворно нежным голосом поинтересовался из прихожей Зиганшин.

– Не сплю. Я и в гости не пошла, настроения не было.

– Ну не мог я с тобой пойти. Служба.

– Поймали хоть взломщика?

– Поймали, – воодушевился Михаил. – С поличным взяли. Он к своей бабенке завалился вместе с награбленным. Мы его, «горяченького», и прихватили.

– Это хорошо. Я тебе ужин на плите оставила.

– Есть не хочу, мы с ребятами в машине перекусили. Ну и выпили немного за успех. Прости, иначе не принято.

Вскоре Зиганшин забрался под одеяло, тут же повернулся спиной к Кате, сделал вид, что заснул. Мигал телевизор, Катя смотрела на экран и не понимала, что там происходит. Ей казалось, что она ощущает исходящий от мужа запах чужой женщины.

В центре областной столицы людно в любое время года. Оно и не удивительно: тут на каждом шагу магазины, государственные учреждения, кафе, рестораны, клубы. Да и просто прогуляться приятно...

Бывшая Губернаторская улица, переименованная в советское время в проспект Мира, – место оживленное. Дореволюционные солидные дома построены основательно, их украшает замысловатая лепнина, ходи себе, осматривайся, как по музею. Единственное неудобство здесь – для автомобилистов. Старая часть проспекта поуже, чем современная, вот и случаются постоянно заторы.

На тротуаре стояли две бойкие девицы в специально сшитых рекламных куртках, на которых размашисто и броско красовалось название самого большого ювелирного салона во всем городе «Славянское золото». Пройти мимо девиц было сложно, они, выражаясь языком полицейского протокола, «цеплялись к прохожим», раздавая им рекламные листовки. Однако правоохранители не мешали им работать с размахом, не опасаясь оказаться задержанными по административной статье. Акция была согласована, разрешение на нее получено. Вот только дворники неодобрительно посматривали на девушек – ведь многие горожане, особенно малоимущие, тут же выбрасывали рекламную продукцию «для богатеньких», и ветер гонял цветастые глянцевые листки по проспекту.

В рекламном тексте покупателям предлагалась следующая акция. Каждой покупательнице, решившей приобрести в салоне золотое кольцо с небольшим бриллиантом, совершенно бесплатно предоставлялась возможность сфотографироваться на память в баснословно дорогих украшениях: в золотой, с платиновыми вставками, короне, усыпанной бриллиантами, алмазном колье и таких же серьгах. Тут же на листовке располагалась и фотография этих украшений, а также сообщалось, что они изготовлены ювелирной фирмой специально по заказу для награждения победительницы будущего конкурса «Мисс Российская Федерация».

Корону и аксессуары возили по всей России и для привлечения покупателей размещали на две недели в самых дорогих ювелирных салонах регионов. Какая же девушка устоит перед тем, чтобы не сфотографироваться в настоящей короне королевы красоты? К тому же потом эту корону будут показывать по телевизору, ее изображение появится на обложках глянцевых журналов.

Особым спросом пользовалась акция у молодоженов. Местный Дворец бракосочетаний даже пошел на то, чтобы проводить выездные росписи в ювелирном салоне.

Стеклянная дверь-турникет салона «Славянское золото» неторопливо и величаво вращалась. Внутри все напоминало царство Снежной королевы. Стерильная белизна, врезанные

в потолок яркие светильники, подсветка витрин. Переливались золото, серебро и платина, искрились драгоценные камни. Двое охранников – рослых парней, явно прошедших службу в спецназе и одетых в нелепо смотрящиеся на них деловые костюмы, стояли по углам торгового зала и внимательно смотрели на посетителей. А последних было немало.

В основном публику привлекала стеклянная пирамида в центре помещения, в которой и было выставлено сокровище национального масштаба. На изящной прозрачной, как утренняя заря, женской головке, отлитой из хрусталя, крошилась бриллиантовым блеском корона будущей королевы красоты огромной страны, занимающей одну шестую часть суши. Тут же были и колъе, и сережки. Небольшая табличка с текстом извещала особо любопытных, на сколько карат в ней бриллиантов, какие из них самые крупные. Особо впечатляла стоимость. Изготовление всего комплекта обошлось в двести тысяч долларов. Одних драгоценных камней пошло на сто пятьдесят тысяч. Над комплектом бригада из пяти ювелиров трудилась не покладая рук на протяжении трех месяцев.

Люди толпились у стеклянной пирамиды, шушукались, восхищались. Нахождение в непосредственной близости от сокровища заставляло говорить шепотом, как в музее.

– Небось уже все решено, кто в конкурсе победит, – проговорила толстушка с пухлыми щеками. – Вложилась в корону какой-нибудь миллиардер и купил место для своей подстилки.

– Ничего еще не известно, – возразила ей подружка.

– Думаешь, на конкурсе жюри честно судит? – По лицу толстушки нетрудно было догадаться, что в честность других людей она верит в последнюю очередь.

– Ясное дело, все покупается. Но богатых мужиков в России много, а финалистка одна. Так что корону любовнице какого-нибудь ну... очень высокопоставленного политика отдадут.

– В любом случае нам с тобой она не светит, – наконец-то пришли к логическому выводу размышлявшие девушки.

Неподалеку от стеклянной пирамиды, привлекавшей всеобщее внимание, стояла и Люся Пласконная. Она уже вдоволь налюбовалась на россыпь искрящихся бриллиантов и теперь рассматривала витрину с золотыми кольцами, украшенными микроскопическими камешками. Конечно же, после великолепия короны и ожерелья они казались молодой особе блеклыми – почти ненастоящими. Ясное дело, Миша Зиганшин расщедрился на не очень дорогую безделушку.

«Уж лучше бы он мне обручальное кольцо без камешка подарил», – мысленно вздохнула Люся.

И тут у нее за спиной возник рослый кавказец:

– Дэушк, а, дэушк. Ты в короне сфотографироваться хочэш? Да? – спросил он, бесстыдным образом скользя взглядом по округлостям Пласконной.

Люсе показалось, что незнакомец буквально раздевает ее взглядом, и это было приятно. Однако она, соорудив серьезное лицо и будто не понимая, что ее клеят, спросила:

– Вы это о чем?

– Я тут кольцо покупаю. Да? Для сэстронки, а она на родина живет, да? Ее тут не сфотографируэш. Хочэш ты?

– Я сама себе кольцо покупаю, – гордо ответила Люся и подозвала продавщицу: – Это покажите и это.

Пласконная меряла кольца, разглядывала свою руку. Наконец остановила выбор на тоненьком колечке с микроскопическим бриллиантом.

– Покупаю, – заявила она таким тоном, будто собиралась купить весь ювелирный салон целиком. – На него ваша акция тоже распространяется?

– Разумеется, – ответила продавец.

– Я прямо сейчас смогу сфотографироваться?

– Не совсем, у нас существует очередь. Поговорите с консультантом, она вам все подскажет, разъяснит, – и продавщица кивнула на молоденькую девушку, сидевшую у стойки за компьютером.

Пласконная не замечала, что за ней через витрину с улицы наблюдает Катя Пряник. Женой Зиганшина в последнее время просто мания какая-то овладела. При любой возможности она отслеживала Люсю, смотрела, с кем она встречается, что покупает, чем занимается. Спроси ее, а зачем она так поступает, сама бы точно не ответила. Возможно, хотела подловить Люську на неблагоприятном поступке, на том, что у нее в любовниках ходит не только Михаил. Вот и теперь возле Пласконной крутился какой-то гнусного вида кавказец, что-то предлагал. Ну а что он еще предложить может? Только «это».

Люся подошла к девушке-консультанту:

– Я насчет фотографии, по акции. Когда и как это можно сделать?

Сотрудница ювелирного салона мило улыбнулась и слегка разочаровала клиентку:

– Понимаете, у нас отведены специальные часы для фотографирования. Существует очередь. Желающих много. Я могу записать вас на определенное время. – Она повернула монитор к Люсе: – Смотрите на свободные окна, выбирайте...

Пласконная принялась разглядывать табличку. У нее за спиной маячил молодой мужчина в толстых роговых очках, верхнюю губу прикрывала густая щеточка ухоженных усов.

Наконец Люся выбрала день и время для фотографирования, записалась на фотосъемку и покинула салон, унося с собой бархатную коробочку с колечком. Но Катя Пряник почему-то не последовала за ней по улице, хоть Люся прибыла сюда не на машине, а приехала автобусом. Екатерина, не отрываясь, смотрела на усатого мужчину в роговых очках, который уже сидел напротив консультанта и говорил то, чего Катя через стекло не могла слышать.

– ...у меня сеструха замуж выходит, – откровенничал он с консультантом. – Мы тут с родственниками договорились молодым подарок сделать – кольца обручальные у вас купить. Ну и фотографию невесты на память в короне с бриллиантами.

И вновь повторилась ситуация с монитором. Потенциальному покупателю предложили просмотреть табличку с уже записавшимися для росписи парами.

– Не знаю, не знаю. Думал, все проще окажется, – сомневался мужчина, глядя, прищурившись, на таблицу. – Тут у вас все забито. А вот согласится ли сеструха перед росписью, а не после нее в салон ехать – еще вопрос. Суеверная очень. Не шутка же, замуж выходит. Я ей звон сделаю, посоветуюсь. Попозже зайду.

– Надеюсь, она согласится. Большого для вас, к сожалению, сделать не могу, – вежливо улыбнулась консультант. – Желающих очень много. А условия фирмы-изготовителя жесткие. Только два часа на фотосессии – не больше.

Мужчина в очках поблагодарил, поднялся, ненадолго задержался у пирамиды с драгоценностями, полюбовался и двинулся к выходу. Стекланный турникет провернулся, выпуская его на улицу. Не успел он пройти и десяток шагов, как у него за спиной прозвучало:

– Андрюша, ты? – Хоть это был вопрос, но в нем присутствовало больше уверенности, чем сомнения, Катя Пряник даже руку протянула, чтобы коснуться его рукава.

Мужчина вздрогнул, коротко обернулся, глянул из-под очков в толстой роговой оправе на Катю и пробурчал:

– Вы ошиблись, – после чего торопливо зашагал по улице.

Катя стояла в растерянности, она не была уверена, что только что видела перед собой Андрюху Порубова. Но сердце подсказывало, что это именно он. Тот, кого она прежде любила и, как оказалось, любит до сих пор. Он, конечно, сильно изменился, постарел, усы зачем-то дурацкие отпустил да и очки носит. Но ведь и не виделись они давно. Может, зрение на зоне испортилось, не курорт все же.

Катя стряхнула с себя оцепенение и побежала следом. Спина мужчины, в котором ей виделся Андрюха, маячила впереди.

– Андрей! – крикнула она.

Мужчина ускорил шаг, и Катя побежала. Но тут к тротуару подрулила «Тойота», мужчина сел рядом с водителем, и машина влилась в поток других автомобилей.

– Андрей... – прошептала Катя, останавливаясь.

Все понятно. Что она могла ему сказать? Оправдываться за то, что вышла за Зиганшина замуж? Так Андрюха и слушать ее не станет! Катя Пряник и сама не могла себе точно объяснить, как случилось ее замужество.

Порубов сидел рядом с Ботаном, рулившим ловко и уверенно, а Клещ, обернувшись, посмотрел в заднее стекло:

– Катька, что ли, за тобой бежала?

– Она самая. Узнала, черт подери! Черт ее сюда занес в ненужное время. – Андрюха отклеил театральные накладные усы и поморщился, растирая верхнюю губу.

– Странно, – пробормотал Ботаник, – даже я тебя не сразу узнал в таком прикиде. А она тебя года два точно не видела. Не спалиться бы. Катька – жена мента, а дело-то у нас серьезное. Муж и жена – одна сатана.

– Бабы, они все чувствуют, – заметил Порубов. – Не спалимся, мы же все предусмотрели. Отступать поздно. – Он посмотрел на друзей: – Если кто сомневается, может прямо сейчас отказаться.

Андрей не напомнил про больную мать, про деньги для операции, но Юрка с Толяном поняли это и без слов, а потому и не стали говорить об этом.

Глава 5

Рабочий день в ювелирном салоне «Славянское золото» шел своим чередом. Попискивали и печатали чеки на кассах, упаковывались в фирменные пакетики купленные украшения. Народ толпился возле стеклянной пирамиды с сокровищем национального масштаба. Правда, людей было поменьше, чем вчера вечером. Все же выходной день, многие уехали на дачи, к родственникам в деревни.

У входа в салон остановился свадебный кортеж. Жених торжественно вывел невесту из нанятого, потрепанного жизнью лимузина, подхватил на руки и под ободряющие крики приглашенных донес до самого турникета.

Свадьба заполнила торговый зал, покупатели потеснились. Приехавшая заранее сотрудница ЗАГСа принялась проникновенно, как массовик-затейник, совершать ритуал росписи. Ну а затем наступил еще более торжественный момент. Владелец ювелирного салона отключил сигнализацию на стеклянной пирамиде и бережно извлек из нее отлитую из хрусталя изящную женскую головку с украшениями.

По залу прокатился гул восторга. Одно дело – видеть сокровище через толстое пуленепробиваемое стекло, и совсем другое – когда его проносят рядом, при желании можно руку протянуть и прикоснуться к нему. Но делать этого никто не рисковал, ведь двое здоровенных охранников пристально следили за перемещением дорожных украшений, предназначенных для самой красивой девушки страны. Хрустальную головку установили на обитой черным бархатом подставке. Хозяин салона принялся снимать украшения и собственноручно надевать их на невесту.

Невеста преобразилась. Теперь жених, стоявший рядом с ней на подиуме, смотрелся блекло. Не помогал и белый, в искорку, костюм, и живой цветок в петлице. Фотограф устанавливал свет. Он сделал несколько снимков, удовлетворенно оттопырил большой палец, мол, все получилось чудесно, затем взялся за видеокамеру. Снимал недолго, лишь десять минут отводилось на съемку.

Владелец салона вновь сам снял украшения с невесты, развесил их на хрустальной головке. Свадьба потянулась к выходу, а на подиум уже поднималась Люська Плосконная. До этого она два часа провела в косметическом салоне, где ей сделали невообразимую прическу. Разделась любовница Зиганшина в пух и в прах, можно было подумать, что и в самом деле решила поучаствовать в конкурсе красоты. Взмахнув наклеенными ресницами, она представилась владельице салона и добавила:

– Теперь моя очередь.

– Вы одна?

– Да, там записано, – махнула рукой Люся в сторону девушки-консультанта, и на пальце скромно блеснул крохотным бриллиантом подарок Миши Зиганшина, – я у вас купила.

Владелец салона не успел притронуться к украшениям, как на подиум выскочил тот самый вчерашний мужичок с театральными усами и резко оттолкнул его, ударив кулаком в грудь, и тот рухнул на мраморный пол.

Загримированный Андрюха Порубов раскрыл спортивную сумку и сгреб туда хрустальную головку со всем, что было на ней навешано.

Люська отчаянно завизжала и согнула пальцы, опасаясь, что сейчас грабитель сдерет с нее колечко, которое она уже приобрела в собственность за свои кровные, полученные от Мишки-любовника. Но в торговом зале были и более соблазнительные вещи. Размахивая потяжелевшей от хрусталя сумкой, Порубов рванулся к стеклянным витринам прилавков, в руке у него виднелся увесистый молоток.

– У него пистолет! – закричал кто-то из подслеповатых и к тому же подвыпивших свадебных гостей.

Этого было достаточно, чтобы люди толпой ломанулись к стеклянному турникету, вынося с собой на улицу и охранников салона.

Женские визги, громогласный мужской мат витали в воздухе. Загримированный Андрюха не терял времени даром, он бил молотком, разнося вдребезги витрины, а потом споро сгребал в сумку осколки стекла вместе с ювелирными изделиями. Сверкали драгоценные камни, блестело золото, звенело битое витринное стекло. Кое-что просыпалось на пол, но Порубов не нагибался – что с воза упало, то пропало!

Наконец охрана салона смогла пробиться вовнутрь и вышла из ступора. Никогда подобной наглости им не приходилось наблюдать. Двое амбалов рванулись к Андрею, на ходу вытаскивая пистолеты-травматики. Люська завизжала еще отчаянней, присела и закрыла голову руками.

Здоровяки-охранники, бывшие на голову выше Порубова, навалились на него. Он почему-то даже не стал особо сопротивляться и первым делом выбросил молоток.

– Полицию кто-нибудь вызвал?! – пронеслось по торговому залу.

– Конечно! – откликнулась девушка-консультант. – Сразу и позвонила.

– Значит, скоро будут, – резюмировал охранник, удерживая заломленные руки Порубова у него за спиной. – И не топчитесь здесь.

Наконец, поняв, что грабитель обезврежен, любопытные подошли с улицы к витрине и стали пялиться.

– Ни хрена себе, – с восхищением в голосе обращался к другим гостям свадьбы подвыпивший дедок. – Это ж сколько он хапанул!

– А толку, – отозвался сосед-сват, – все равно скрутили. На что он рассчитывал? Тут же камеры наблюдения повсюду, охрана, сигнализация. Сейчас приедут, и все, капут, – сложил пальцы решеткой сват и посмотрел сквозь них на грабителя.

Послышалось завывание сирены. «УАЗ», полыхая мигалками, вырулил к входу, взвизгнули тормоза, двое полицейских с пистолетами в руках бросились внутрь, даже не удосужившись закрыть дверцы.

– Оперативно приехали, – восхитился дедок. – А еще говорят, что у нас полиция плохо службу несет.

Стеклянный турникет медленно вращался. На полу хрустели осколки витринного стекла, в нем кое-где просматривались золотые кольца, сережки, броши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.